

© 2009 г.

Валерий Зубов

доктор экономических наук, профессор,
депутат Государственной думы РФ

МОДЕЛЬ ВЫХОДА ИЗ КРИЗИСА ДЛЯ РОССИИ

По мере развития кризиса и накапливаемых попыток его преодоления, все более очевидными становятся два обстоятельства:

1. При всей значимости и болезненности финансовых проблем не следует переоценивать их значение как основной причины кризиса. По аналогии с финансовыми производными состояние самих финансов является производной от более глубоких социально-технологических причин. В конечном счете, те триллионные дисбалансы, которые сложились в мировой экономике, нетрудно структурировать, разложить на составляющие:

- основной количественной составляющей дефицита американского (страна – инициатор кризиса) бюджета являются расходы на медицинское обслуживание;

- динамизм «китайского» (не только собственно из Китая, но и из ряда других стран Юго-Восточной Азии) экспорта в Европу и Северную Америку стал возможным вследствие искусственно сдерживаемого внутреннего социального развития, что дает возможность использовать эффект дешевой рабочей силы;¹

- неспособность наиболее развитых стран создавать новации в таких темпах, чтобы через рост производительности труда генерировать технологические возможности, необходимые для исполнения возрастающих социальных обязательств. Попытка решить эту проблему экстенсивно через увеличение объема задействуемых природных ресурсов и притока товаров и инвестиций (!) из развивающихся стран привела в конце концов к

---

¹ Я думаю, следует более критично отнестись к перспективам будущего экономики Китая, учитывая тот факт, что в этой стране практически отсутствуют социальные институты в современном понимании (всеобщая пенсионная система, медицинское страхование). По мере развития и повышения уровня жизни эти вопросы будут выходить на передний план и трудно сказать, насколько безболезненно их удастся разрешить. Достаточно обратить внимание на то, как начавшийся рост цен на продовольственном рынке вызвал заметное социальное напряжение, причем это произошло в момент, когда среднедушевой доход китайца превысил 2600 долл. и начался переход в структуре потребления от риса к свинине.

кратному росту цен на сырье и, как следствие, к усугублению суммарного внешнеторгового дефицита развитых стран.

Вот минимальный набор базовых проблем, решение которых необходимо для преодоления глобального кризиса.

2. У каждой страны в этой общей картине есть свой сюжет, свой «персональный» кризис, обнаживший более отчетливо накопившиеся индивидуальные проблемы. Отсюда два следствия. Во-первых, несмотря на все призывы к совместным действиям, каждая страна будет выходить из кризиса своим путем. Внутри страны политическая ответственность выше благородных интернациональных устремлений. Во-вторых, в посткризисном выигрыше останется не тот, кто основные усилия приложит для возврата в удобное прошлое состояние, а пойдет на серьезные внутренние трансформации ради повышения эффективности использования всех социально-экономических ресурсов через расширение возможностей для новых продуктов, технологий и бизнесов, что, как известно, является главным историческим оправданием кризисов в рыночной экономике, а главное, через повышение эффективности взаимодействия государства и бизнеса.

Оценка положения в России менялась трижды: «тихая гавань», «поможем всем», «помощь в обмен на эффективность». При этом доминирующим вектором действий властей остается «социальная модель» выхода из кризиса, т.е. оборона старой крепости, а не строительство нового города. При 30%-ном дефиците бюджета государство оставляет за собой все социальные обязательства не только в номинальной форме, но и с поправкой на темп инфляции. Данная модель имеет два преимущества: с одной стороны, на сегодня это самый безболезненный социально-политический вариант, с другой – не исключена вероятность, что накопленные финансовые ресурсы позволят дождаться очередного роста цен на сырьевые товары. А значит, и дальше можно будет поддерживать в российском обществе иллюзию долгосрочной стабильности без серьезной модернизации структуры производства и общественных институтов в целом.

Нет смысла перечислять сторонников этой политики. Но есть смысл напомнить о тех рисках, которые связаны со столь пассивной позицией, ориентированной в первую очередь на ожидание преодоления кризиса другими странами, после чего и мы встанем на путь выхода из кризиса.

Во-первых, *рассчитывать на то, что после нынешнего кризиса в мире восстановится привычная для нас экономическая среда, что для нас найдутся комфортные места во вновь побежавшем глобальном поезде, — опасная иллюзия.* Для большинства стран главные риски – это диспропорции цен на отдельные виды товаров (не только сырьевых), а также чрезмерная зависимость от поставок этих товаров отдельными странами.

И мы отчетливо наблюдаем, как прилагаются активные усилия для преодоления этих рисков. Активизировалась разработка технологических решений по снижению энергоемкости производства в целом. Изыскиваются дополнительные энергетические ресурсы. Страны, имеющие избыточные финансовые ресурсы (Китай, к примеру), начали скупку углеводородных источников как в форме месторождений, так и в форме гарантированных будущих поставок. В Германии увеличивается количество сторонников развития атомной энергетики. Дания заявила о начале экспорта электроэнергии, генерируемой с помощью ветра.

Обратим внимание на следующие обстоятельства. В апреле 2009 г. Государственной думой был принят измененный федеральный бюджет на 2009 г. и уточненный прогноз бюджета на 2010–2011 гг., одним из важнейших параметров которого была переоценка среднегодовой цены на нефть с 95 долл. до 41 долл. за баррель. Предполагалось, что ВВП снизится в 2009 г. на 7,4%. Начиная с января текущего года наблюдается устойчивый рост цены на нефть, которая на данный момент достигла 70 долл. за баррель, но оценка предполагаемого спада ВВП представителями власти увеличилась до –8% и более. Значение здесь имеет не вариация прогноза, а фактическое признание того факта, что одного роста (более чем в два раза) цены углеводородов недостаточно для изменения тренда развития российской экономики в целом.

Во-вторых, в первом списке 295 наиболее «социально значимых» предприятий, выделенных правительственной комиссией, только три можно считать возникшими как технологические комплексы в последние 20 лет. Первый вице-премьер правительства, выступая в Госдуме, признал, что в список попали откровенные банкроты. Как долго экономика в целом может продержаться на таком хребте? Кто сегодня может дать прогноз, как долго можно будет поддерживать «социальную модель» выхода из кризиса (точнее было бы сказать, нахождения в кризисе)? *Ведь фактически таким подходом мы к общепринятым социальным обязательствам добавили новые — «производственный собес».*

Представление о возможности новой серьезной волны банковского кризиса осенью этого года базируется на понимании того факта, что средний срок службы машин и оборудования производственного назначения достиг 18 лет и банки уже увидели, что данную структуру производства кредитовать невозможно без серьезного риска для своего бизнеса. И никакая дополнительная накачка банков государственными средствами, даже под контролем правоохранительных органов, не обеспечивает формирования устойчивой национальной финансовой системы.

Последние полгода популярной экономической игрой была игра: «угадай, где дно кризиса и когда начнется экономический рост». Но этот

возможный экономический рост не будет устойчивым, так как *в настоящее время вся экономика базируется на тотальных дотациях*. Она живет за счет девальвации и очевидно заниженного курса рубля, временного снижения налогов, прямых субсидий из бюджета, инфляции, которая завышает реальную рентабельность предприятий, повышенных госзакупок, взносов бюджетных средств в уставные капиталы отдельных предприятий. Очень нетрудно приспособиться к парниковым условиям. Но как решать реальные проблемы?

Реальный шанс для страны – переход к технологической модели выхода из кризиса. По существу речь идет о применении формулы «поддержка в обмен на эффективность». При этом очень важно подчеркнуть, что уровень эффективности определяется рынком. Пока же переход к технологической модели почти не наблюдается.

Так, «АвтоВАЗ» планирует запустить более дешевую модель на базе «Калины» через три года, хотя общепринятая практика автомобильных лидеров – выдавать новые модели ежегодно. «АвтоВАЗ» заявил о намерении позиционировать себя на рынке как производителя автомобилей для более бедного потребителя, делает ставку на более дешевую модель, очевидно, предполагая, что в целом будет происходить устойчивое и длительное снижение доходов населения. А сегодняшние конкуренты «АвтоВАЗа» видят решение проблемы не в упрощении качественных характеристик продукта, а в поисках более эффективных технических решений – гибридные двигатели и т.д. Без этого российские предприятия не будут достигать необходимой рентабельности, а значит, не может быть конкурентоспособной экономика страны, а в обществе будет невозможно поддерживать привычный для последних лет уровень жизни. Дотации же фактически сдерживают модернизацию, препятствуют в частности сокращению избыточных издержек. Усилия следует концентрировать на поддержании проектов с современной производительностью труда, которые с опережающей скоростью создают новые рабочие места в новых для российской экономики отраслях, ориентированных на рынок.

Ключевая проблема для российской экономики заключается в том, что **нынешние установки в борьбе за занятость в рамках действующей структуры производства означают её консервацию и продолжение тренда на потерю конкурентоспособности в долгосрочной перспективе**. Разговоры об инновационном пути развития бессодержательны, если постоянно отвлекаться от того факта, что средняя производительность экономики страны (а в условиях глобальной конкуренции это автоматически является и показателем качества продукта) составляет примерно 1/4 от уровня производительности развитых стран. В российской экономике при её нынешнем состоянии налицо избыток рабочей си-

лы на производстве. Поэтому прав В. Иноземцев, утверждая: "Все уровни власти должны озаботиться не тем, как понуждать бизнес к сохранению рабочих мест, а тем, как создавать условия для появления новых". Процесс этот должен не только не сдерживаться, а интенсифицироваться. Пока такого опыта у нас нет. В период самого интенсивного роста (с конца 90-х по 2008 год) в российской экономике новых рабочих мест создавалось в 3 раза меньше, чем в США (с учетом различия в общей численности занятых). При этом более половины новых рабочих мест в России приходилось на торговлю.

Вряд ли американцам легко далось банкротство предприятий "GM" и "Крайслер" (на практике, правда, это более выглядит как реструктуризация). Это и утрата великих символов, и необходимость смены рабочих мест для сотен тысяч человек. А до этого свежи воспоминания о банкротстве телекоммуникационной компании WorldCom и одного из крупнейших инвестиционных банков США Leman Brothers. Но США пошли на это ради оздоровления экономики. В России же до сих пор не намечено ни одной серьезной реорганизации. А ведь есть простая формула научно-технического прогресса: "Вовремя расставаться со старыми башмаками". Правда, это допустимо, если вы не поленились сходить в магазин за новыми и какое-то время потерпеть пока они не разносятся.

России придется решать две непростые задачи. Необходимо обеспечить инновационный процесс. Но он иницируется не сверху вниз, а снизу вверх, причем не от крупнейших предприятий. **Необходимо не продолжать укрупнение бизнесов (это способствует «перемешиванию» эффективности и дезориентации финансовых институтов при принятии решений об инвестировании средств), а стремиться к противоположному процессу.**

Во-первых, это будет упрощать задачу банкам при выборе потенциально жизнеспособных бизнесов. Данное положение легко проиллюстрировать с помощью схемы, представленной на рис. 1.

Очевидно, что в резко изменившихся экономических условиях, отдельные части крупного бизнеса затронуты этими изменениями в различной степени. В нем образуются как черные дыры, так и светлые пятна. От первых неизбежно придется избавляться, вторые же – потенциальные точки роста, которые необходимо высветить для банков. Здесь же заметим, что резать по живому всегда трудно. Но сегодня задача стоит более простая – не усугублять ситуацию искусственно: несмотря на высказанное отрицательное мнение Администрацией Президента о государственных корпорациях и начавшемся изъятии у них денег обратно в бюджет, в Государственную думу внесен законопроект о создании очередной (авто-

дорожной) корпорации, названной, очевидно, для юридического камуфляжа «государственной компанией».

Рис.1 Дополнительная неопределенность при кредитовании банками сложных хозяйственных структур

Во-вторых, разукрупнение позволит частично снимать социальную проблему банкротства сверхкрупных предприятий в моногородах.

В настоящее время преодолению кризиса препятствует неадекватный ситуации выбор направлений и методов государственной финансовой поддержки бизнеса. Финансовый сектор – в первую очередь банки являются важнейшим звеном инновационного процесса и, соответственно, структурной основой перестройки экономики. Предложения по их реорганизации по количественному критерию сродни построению зоопарка для динозавров (планируется за счет государства увеличить капитал 30 из 1100 банков). Но именно на наиболее крупные банки выпала доля кредитовать те предприятия, которые в новых условиях локомотивами инновационного развития и преодоления таким путем кризиса вряд ли станут.

При этом необходимо отметить, что главным фактором повышения качества банковской системы являются намерения (интерес) тех, кто формирует ее пассивы. Без повышения доли сбережений населения страны инвестиционный процесс всегда будет уязвим перед настроениями внешних инвесторов.

Невозможно обойти полемику о возможной второй волне кризиса осенью этого года. Для того, чтобы оценить её вероятность, обратим внимание на некоторые её составляющие. Сразу отметим, что 60% просроченной задолженности приходится на 20 самых крупных банков. Очевидно, что требование к увеличению уставного капитала банков к расшире-

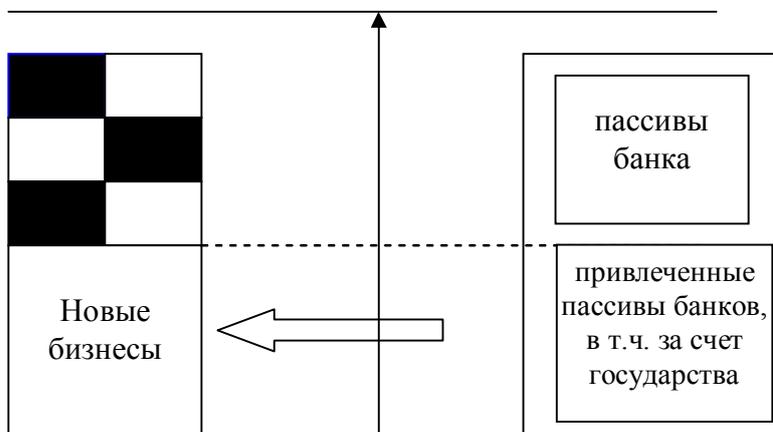
нию проблемы невозвратов отношения не имеет. Закачивая бюджетные деньги в крупнейшие банки, которые производят рефинансирование кредитов крупнейших предприятий с устаревшей технологией, государство создает фундаментальную причину возможного кризиса второй волны. Причем безотносительно к конкретным срокам: эта проблема как "дамоклов меч" будет висеть над российской экономикой, и сроки её обострения будут определяться ценой на нефть, которая является главным источником бюджетных дотаций в банковскую систему.

При этом совершенно не имеет значения форма государственной поддержки – будет ли это в форме увеличения государственной доли в уставном капитале или вывод "плохих" активов в отдельное специальное финансовое учреждение. В обоих случаях по экономическому смыслу – это приведение к балансу (в данном банке) реальных активов и располагаемых пассивов за счет бюджета. Различие только в том, кто будет управлять этими "плохими" активами – по-прежнему банки или государственные служащие. И для тех и для других это не по профилю.

Единственным долгосрочным и радикальным разрешением проблемы было бы не абсолютное уменьшение "плохих" активов на балансе банков, а уменьшение их удельного веса за счет увеличения кредитования малого, среднего и нового бизнесов (рис.2). К сожалению, пока ситуация противоположная: Сбербанк в последнее время выдает кредит "Северстали" в размере 300 млн долл. (что превышает обещанную на 2009 год кредитную поддержку из федерального бюджета малому бизнесу) и намерен выдать кредит фирме "Опель" в размере 500 млн евро дополнительно к цене приобретения 35% её акций¹, что сопоставимо с общей плановой суммой кредитования всего малого бизнеса на 2009 год из резервов Внешэкономбанка.

---

¹ Данная покупка обсуждалась с разных сторон, но самые очевидные её стороны как бы выпадали из поля зрения. Во-первых, проблема повышения технического уровня отрасли не в том, чтобы купить документацию на конечный продукт, а в том, чтобы создать окружающую среду адекватных по качеству поставщиков. "Копейка" в свое время, когда мы покупали её у "Фиата", являлась лучшим европейским автомобилем. И что же дальше произошло в российских условиях? Во-вторых, зачем же мы так долго сопротивлялись реальному приходу иностранных собственников в наш автопром? Чтобы в конце концов начать решать эту задачу за счет общественных средств?

Рис. 2. Уменьшение удельного веса "плохих" активов на балансе банков за счет увеличения кредитования малого, среднего и нового бизнесов

Продолжая сложившуюся практику приоритетного кредитования крупного бизнеса, мы усугубляем проблему и со стороны "пассивов". Если банки увеличивают ставку до 25-35%, закладывая в неё повышенные риски невозврата, значит, они соответственно должны повысить и ставку по депозитам (плата за риск для вкладчика). Это приводит к смещению структуры депозитов в пользу крупнейших госбанков (ведь именно они получают государственную поддержку более дешевыми ресурсами), которые как раз и имеют наибольшую долю проблемных активов, и, соответственно, уменьшают объем финансовых накоплений общества, которые реально могли бы участвовать в диверсификации экономики.

Важно не упустить из виду и то, что в сложных – как сейчас – условиях географическое плечо кредитования объективно уменьшается: потому что одно дело – кредитовать знакомый бизнес (стандартизованный продукт), и совсем другое – кредитовать бизнес, который на первых порах необходимо "пощупать". А кроме банков других финансовых институтов, которые могли бы взять на себя сегодня инновационную функцию, в российской финансовой системе не существует. Искусственное сокращение региональных банков будет работать против диверсификации экономики страны.

Для большинства развитых стран выход из кризиса – преодоление финансовых проблем. У нас проблемы не только финансовые: нужна еще и глубокая реструктуризация реального сектора экономики.

У всех экономических кризисов есть две неизбежные особенности: во-первых, они кончаются; во-вторых, они могут серьезно изменить расклад между докризисными лидерами. Ростки выхода из глобального кризиса увидеть можно, но что это за растение – весенний цветок или многолетнее дерево – пока определить трудно. Та ключевая проблема, которая лежит в самых глубинах кризиса – завышенное, не по средствам, потребление в наиболее развитых странах – пока не рассасывается, а усугубляется: финансовые инструменты преодоления спада в эпицентре кризиса, США, – наращивание задолженности. А в целом общественный долг десяти самых богатых стран увеличится с 78% ВВП в 2007 г. до 114% к 2014 г.¹. Как долго другие страны будут нести этот дополнительный налог в пользу мирового лидерства самых богатых?

Представляется, что в складывающейся ситуации, без сомнения, выиграют те, кто настроит свою внутреннюю экономику на самые жесткие правила международной конкуренции, которые утвердятся не в силу высоких резолюций, а в силу новых потребительских предпочтений и более ответственной экономической политики со стороны продвинутого бизнеса и государства.

---

¹ «The Economist». № 24, 2009.